

Т. Е. Самойлова

СВЯЩЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО КНЯЖЕСКОГО ГРОБА

Многочисленные археологические исследования, проведенные в древнерусских храмах, позволили установить, что многие из них являлись княжескими усыпальницами. Археологи проделали большую работу по выявлению княжеских погребений в храмах-некрополях: они располагались в нартексах, приделах, в западной части наоса или в специальных нишах-аркосолиях вдоль стен, что соответствует традиции размещения захоронений в храмах византийского мира. Большой вклад в изучение княжеских некрополей внесли М. К. Каргер, Н. Н. Воронин, В. Л. Янин, П. А. Раппопорт, Н. А. Макаров, Т. Д. Панова, Н. В. Холостенко, А. Л. Монгайт, Вл. В. Седов¹. Последнему принадлежит работа «Погребения „святых князей“ и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси», имеющая обобщающий, подводящий итоги изучения

---

¹ *Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958; *он же.* Зодчество Северо-Восточной Руси XI–XV вв. М., 1962. Т. 1; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979; *Каргер М. К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 4; *он же.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Советская археология. М.; Л., 1946. № 8; *он же.* Древний Киев. Очерки истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1; *он же.* Памятники Киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1961. Т. 2; *он же.* Храм усыпальница в Ефросиньевском монастыре в Полоцке // Советская археология. М., 1977, № 1; *Макаров Н. А.* Топография погребений в древнерусских хамах XI–XII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Междунар. конгрессе славянской археологии. М., 1980; *Монгайт А. Л.* Работа рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология Рязанской земли. М., 1974; *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004; *Седов В. В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003; *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // Советская археология. М., 1967, №2; *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

данной проблемы характер. Однако понятие «княжеский гроб» относится не только к области археологии. Почти каждое княжеское захоронение, расположенное в храме, было отмечено надгробием, форма и декор которого относятся уже скорее к области истории искусства. Впервые в отечественной литературе древнерусское надгробие как явление художественной культуры со своей историей развития было рассмотрено В. В. Ермонской². Она проследила эволюцию таких захоронений от X до XVII в., обращая внимание на смену типов надгробий и изменения в области декорации и орнаментики. 1980-е и 1990-е годы были особенно плодотворны для изучения древнерусского надгробия, так как в этот период значительные археологические исследования проводились в Кремле (Т. Д. Панова), на территории древних московских монастырей (Л. А. Беляев), в Новгороде и Пскове (В. В. Седов)³. В 1996 г. вышла книга Л. А. Беляева «Русское средневековое надгробие», во многом обобщившая накопленные за истекший период сведения. Автор рассматривает надгробие как культурно-историческое явление, обязанное своим происхождением широкому распространению христианства. Внимание ученого сосредоточено на проблеме генезиса надгробных плит так называемого антропоморфного типа и семантике орнамента, использовавшегося для их украшения. Однако в свете предпринятого нами исследования особенно важна книга сербской исследовательницы Д. Попович «Сербский владарский гроб в среднем веку» (1992)⁴. Само название книги говорит о том, что владарский гроб рассмотрен здесь как особое явление, обладающее своей спецификой. Д. Попович дает и его определение, считая это понятие комплексным, включающим в себя три основных компонента: саркофаг, предназначенный для захоронения в грунте, надгробный памятник и помещенные вблизи надгробия живописные композиции мемориального или эсхатологического характера. Д. Попович проследила систему декорации, принципы изготовления надгробных памятников, а также убедительно доказала, что присутствие владарского захоронения часто в существенной степени определяло иконографическую программу росписи не только того компартимента, где находился гроб, но и всего храма. В отличие от Сербии, где сохранилось значительное число украшенных росписью храмов-усыпальниц с гробницами *in situ*, русский материал — значительно более разрозненный, фрагментарный. Тем не менее, нам представляется интересным и необходимым по-

² Ермонская В. В. Памятники Древней Руси // Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI–XX в. М., 1978.

³ Седов В. В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003.

⁴ Поповић Д. Српски владарски гроб у средњем веку. Београд, 1992.

новому взглянуть на него, следуя исследовательским принципам, разработанным Д. Попович, и попытаться выявить русскую специфику.

Самый древний дошедший до нас пример княжеской гробницы — это монолитный каменный саркофаг Ярослава Мудрого, украшенный резьбой и установленный в северной внутренней галерее заложеного им Софийского собора. Как показали исследования, саркофаг изначально находился и находится сейчас в восточной части галереи, вблизи алтарной части устроенного здесь придела⁵. Именно этот придел выполнял функцию княжеской усыпальницы. Неоспоримым является тот факт, что захоронение Ярослава Мудрого в монолитном саркофаге было проявлением приверженности ранней (до XI в.) традиции захоронения византийских императоров. В X в. Византия хоронила своих императоров в знаменитой церкви Святых Апостолов в особых приделах-усыпальницах, напоминающих об античных героонах с установленными в них величественными монолитными каменными саркофагами⁶. Огромные выточенные из дорогих пород камня саркофаги, установленные в храмах, выполняли, по мнению исследователей, репрезентативную функцию, способствуя возвеличиванию имени императора⁷. После XI в. происходит христианизация императорского погребального обряда. Согласно христианским представлениям, человек, созданный из персти земной, по смерти должен вернуться в землю («земля еси и в землю отыдеши»). Следуя этой заповеди, византийские императоры средневизантийского периода отказались от античных традиций в области погребальных сооружений. Они принимали перед смертью постриг, и тело их предавали земле, а над местом захоронения возводили надгробный памятник, имевший вид полого саркофага. Согласно исследованиям Д. Попович, сербские правители восприняли византийский ритуал. Раскопки, проведенные в сербских храмах, показали, что все правители средневековой Сербии были погребены в грунтовых могилах, над которыми в интерьере храма в качестве надгробного памят-

⁵ Никитенко Н. Н., Никитенко М. М. Княжеская усыпальница в Софии Киевской // ПКНО. 1977. М., 1998.

⁶ О храме Святых Апостолов в Константинополе как усыпальнице императоров см.: Grabar A. *Martirium*. Paris, 1946. Т. 1, p. 227–244; Janin R. *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecumenique*. Paris, 1953. Т. 3, p. 46–48; Downey G. *The Tombs of the Emperors at the Church of the Holy Apostles in Constantinople* // *The Journal of the Hellenic Studies*. London, 1959. Vol. 69, p. 28–54; Беляев Б. Ф. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891. Кн. 1 (*Byzantina*; 1), с. 138–145; Высоцкий А. М., Шелов-Коведяев Ф. В. Первая церковь Святых Апостолов в Константинополе и ее наследие в средневековом мире // *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика*. М., 1995.

⁷ Поповић Д. Српски владарски гроб... с. 190.

ника устанавливали полый саркофаг⁸, воспроизводящий в общих чертах форму ранних саркофагов. Таким образом, очевидно, что Ярослав Мудрый, которому также необходимо было утвердить достоинство великого князя как христианского правителя Руси, избрал для себя ту форму погребения, которая на тот исторический момент была более укорененной в императорском искусстве Византии. Данные археологии говорят о том, что этот тип императорского погребения пришел на Русь во времена Владимира, крестителя Руси, и великий князь первым избрал для себя «героическую» форму погребения⁹. Однако этот тип княжеского гроба довольно скоро сменился другим, отразившим наступление нового исторического этапа.

Данные археологических раскопок на памятниках XII–XIII вв. демонстрируют резкую смену архетипа в области мемориальных сооружений. Особенно интересный и цельный материал, если такое выражение применимо к археологии, дали раскопки Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта в Смоленске¹⁰. Им удалось установить, что почти все храмы этого периода в той или иной степени служили княжескими усыпальницами. Причем принципиально важным представляется вывод о том, что для главных инициаторов храмоздательства — князей — было характерно понимание возводящейся по их заказу церкви как памятника роду, династии. Именно поэтому в первоначальный замысел таких построек входило устройство мест для погребения заказчика и членов его семьи. Погребения располагались как в приделах и на галереях, так и непосредственно в самом храме, но все они находились в нишах-аркосолиях, устраиваемых в стенах храма. Некоторые смоленские храмы являлись некрополями весьма внушительного масштаба: так, в Борисоглебском соборе на Смядыни насчитывается 21 аркосолий, а в соборе на Протоке открыли 11 аркосолиев. Сам гроб, вместилище останков, приготавливался таким образом, что его лицевая стенка выкладывалась одновременно с кладкой самой погребальной ниши. Довольно долго он мог оставаться пустым в ожидании предназначенного ему хозяина. После совершения погребения гроб закрывали тесанными плитами песчаника (церковь Иоанна Богослова, усыпальница рода князя Романа Ростиславича, 1160–1180)¹¹.

Взгляд на план такого рода храма-усыпальницы, все стены которого прорезаны прямоугольниками гробниц, заставляет задуматься о том, что, возможно, в самой идее расположения гробниц, когда останки кня-

⁸ Поповић Д. Српски владарски гроб... с. 199.

⁹ Ермонская В. В. Памятники Древней Руси // Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI–XX в. М., 1978, с. 17.

¹⁰ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.

¹¹ Там же, с. 58, 62–63, 88–89, 125, 134, 209, 245, 309, 315, 316.

зей в прямом смысле оказывались погребенными в основании церковных стен, заложена аллюзия на ритуал положения мощей мучеников в основание престола каждого христианского храма. Возникновение и реализация подобной идеи, безусловно, говорит о более глубоком по сравнению с предыдущим периодом процессе христианизации княжеской среды, причем ее представители, выступающие заказчиками храмов-некрополей, следовали тем же изменениям, которые происходили и в византийском обществе. Действительно, начиная с XI в. византийцы отказываются от погребений античного типа и переходят к грунтовыми погребениям в аркосолиях, располагая их в параклесионах и на галереях храма. Как правило, в качестве усыпальницы выступает храм, выстроенный на территории фамильного монастыря. Непосредственно над захоронениями теперь возводят надгробный памятник, который чаще всего представляет собой прямоугольный саркофаг простой формы, составленный из отдельных тесаных плит¹². Итак, смена архетипического образца налицо. Однако вопрос, что именно послужило образцом для императорских надгробий, в литературе пока не поднимался. Попробуем предложить свою версию.

В фокусе исследований последних лет, посвященных изучению реликвий восточно-христианского мира, оказалась главная христианская святыня — Гроб Господень, находящийся в иерусалимском храме Воскресения. Как показывают новейшие исследования, архитектура собственно храма Воскресения и шатра-кувуклия, устроенного внутри него непосредственно над Гробом, оказали огромное влияние и на развитие архитектуры христианских стран, и на становление многих иконографических схем, находивших свое воплощение в иконах, в мелкой пластике, лицевом шитье. Трудно себе представить, чтобы главная святыня не оказала влияния и на оформление захоронений, тем более что Святой Гроб в данном случае в прямом смысле выступал архетипическим образцом. Нам представляется, что углубление христианизации византийского общества, заставившее отказаться от античных моделей, способствовало тому, что внимание императоров, при жизни готовивших себе место погребения, обратилось к главной святыне христианского мира. Святой Гроб, конечная цель всех паломнических потоков, устремлявшихся в Иерусалим, находился в храме Воскресения в маленькой пещере, над которой был возведен специальный шатер-кувуклий, осеняющий святыню. Сам Гроб предстал перед глазами верующих в виде саркофага простой прямоугольной формы, собранного из тесанных плит и закрывающегося сверху отдельной плитой. Нам представляется, что идея полого саркофага над захоронением импера-

¹² Поповић Д. Српски владарски гроб... с. 195.

тора, также не монолитного, а собранного из тщательно обработанных плит, родилась именно благодаря общению со святыней. Пустота Святого Гроба для христиан всего мира также была знаковым понятием. Она, с одной стороны, свидетельствовала о непреложности факта Воскресения Христа, а с другой — являлась предзнаменованием воскресения каждой христианской души. Обычай же размещать полые саркофаги в аркосолиях, устроенных в стенах храмов, служит дополнительным аргументом, подтверждающим нашу версию, так как аркосолий есть не что иное, как «воспроизведение», образ пещеры, в которой находится Гроб Господень. Многочисленные примеры, почерпнутые из византийских исторических источников, также свидетельствуют о том, что иерусалимская святогробская тема была весьма актуальной при оформлении императорских погребений. Так, известно, что при гробнице императора Мануила Комнина находился красный камень величиною в рост человека. Он считался истинным камнем помазания, на котором тело Христа было повито плащаницей. Император еще при жизни вывез его из Эфеса, и так как это был камень, на котором лежало божественное тело Спасителя, сам нес его, возложив на свой хребет, от Вуколеоновой пристани до дворцового храма. После смерти Мануила камень был установлен на пьедестале у его гробницы¹³.

Толкование архитектурной формы аркосолия как образа святогробской пещеры подтверждают и дошедшие до нас копии Гроба Господня, получившие распространение в Западной Европе в XI–XII вв. Установленные в храмах, они выполняли определенную роль в литургическом ритуале Положения во Гроб — *Depositio*¹⁴. Внутри этих каменных сооружений саркофаг, знаменующий Гроб Господень, размещался именно в сводчатой нише-аркосолии, подобии иерусалимской пещеры. Яркий пример — устройство копии Гроба Господня в соборе в Аквилее (XI в.) с его глубокой сводчатой нишей¹⁵. Выразительные аналогии можно найти и в изобразительном материале той эпохи. Так, в соборе Винчестера, в капелле Гроба Господня одна из фресок XII в. представляет сцену Положения во Гроб¹⁶. Не исключено, что в какой-то степени она является воспроизведением ритуала *Depositio*, однако для нас особенно важно то,

¹³ *Mango C.* Notes of Byzantine monuments // DOP. 23–24 (1980–1981); *Никита Хониат.* История начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1. СПб., 1861, с. 286.

¹⁴ *Sekules V.* The Tomb of Christ at Lincoln and the Development of the Sacrament Shrine: Easter Sepulchres Reconsidered // *Medieval Art and Architecture at Lincoln Cathedral.* Lincoln. 1986.

¹⁵ *Баталов Л. А.* Гроб Господень в сакральном пространстве русского храма // *Восточнохристианские реликвии...*, с. 516, 524.

¹⁶ *Он же.* Гроб Господень в сакральном пространстве русского храма, с. 516; *Беляев Л. А.* Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных икон Гроба Господня // *Восточнохристианские реликвии...*, с. 511, ил. 10.

что архитектурным обрамлением этой сцены является арка, изображающая нишу-аркосолий. Кстати сказать, и в русской традиции аркосолии было принято называть либо «каморами», либо «печерами»¹⁷.

Итак, очевидно, что княжеские погребения в Смоленских храмах, следуют новой византийской модели, которая, в свою очередь, имела прообразом Гроб Господень. Любопытно, что в сравнении с византийскими погребениями они представляют собой некий переходный тип, поскольку смоленские саркофаги, устроенные в аркосолиях, не оставались пустыми, но принимали в себя останки умершего. На торцевых стенках смоленских гробниц сохранились фрагменты орнаментальной росписи, которая, как установил Н. Н. Воронин, имитировала драгоценные византийские ткани. На некоторых гробницах были обнаружены следы от широкошляпочных гвоздей, которыми, по мнению П. А. Раппопорта и Н. Н. Воронина, реальные ткани прикреплялись к нише и покрывали крышку саркофага и его переднюю стенку¹⁸. Нам пока не известно, существовал ли обычай украшать императорские надгробия этого времени тканями. В литературе, посвященной императорским надгробиям, таких сведений не приводится. Единственный известный нам пример — упоминание Клавихо о надгробии супруги императора Михаила VII (1071–1078), находившемся в церкви Св. Георгия в Константинополе: ее драгоценный саркофаг из ясписа был покрыт шелковой тканью¹⁹. Однако декоративная ткань — столь излюбленный на Востоке материал украшения интерьеров, что трудно предположить в этом случае абсолютную самостоятельность русских князей в оформлении своих гробниц. Нельзя исключить и то, что сам Святой Гроб в Иерусалиме был покрыт драгоценным покровом. Так или иначе, в русском варианте оформления княжеской гробницы на самом раннем этапе покров был важной составляющей. В конечном счете именно он придавал гробнице, содержащей останки князей, качество драгоценности, почти реликвии, почти реликвария.

Ассоциативную связь семантики оформления княжеской гробницы с главной реликвией христианского мира подтверждают и другие факты. Прежде всего, следует вспомнить знаменитый серебряный «терем» Владимира Мономаха. Как известно, в 1115 г. Владимир Мономах вместе со своими братьями задумал перенести раки с мощами святых Бориса и Глеба в новый храм. Однако между братьями разгорелся жаркий спор по поводу того, куда и как будут поставлены раки. Олег и Давыд Святославичи хотели, чтобы по традиции они были размещены в заранее приго-

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 471; ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 280–281.

¹⁸ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII веков. Л., 1979, с. 209.

¹⁹ Поповић Д. Српски владарски гроб... с. 142, прим. 40.

товленных аркосолиях, тогда как Владимир Мономах настаивал, чтобы их поставили посреди храма под сводом серебряного «терема». Победили Олег и Давыд²⁰. Проект Владимира осуществлен не был. Однако для нас интересен сам факт возникновения подобного проекта. Что же представлял собой задуманный Мономахом «терем»? Исследователи убеждены, что прообразом для него послужил киворий, устроенный в базилике святого Димитрия в Фессалониках²¹. Согласно исследованиям Д. Палласа и П. Лемерля, этот киворий изначально располагался в западной части центрального нефа древней базилики, а внутри него находились иконы Христа и Богородицы. Однако уже в конце VI — начале VII вв. укореняется представление о том, что под киворием покоятся мощи самого святого Димитрия, несмотря на то, что в базилике никогда не было собственно мощей, то есть костных останков мученика. В X столетии под киворием стоял пустой саркофаг, на крышке которого был изображен святой Димитрий²². Как выглядел знаменитый фессалоникский киворий, мы можем представить благодаря хранящемуся в музеях Кремля серебряному ковчегу XI в. — копии святыни. Этот серебряный реликварий имеет форму октогональной эдикулы, покрытой шатровым сводом. Внутри нее размещен прямоугольный «саркофаг» с выдвигающейся крышкой²³.

Итак, именно под сводом такого «терема» хотел установить великий киевский князь саркофаги Бориса и Глеба, уподобляя Вышгородский храм салоникинской святыне. Однако возникает вопрос, к какому прообразу восходил сам салоникинский киворий? Случайно ли то обстоятельство, что он имел форму эдикулы с шатровым верхом, так сильно напоминающую нам распространившиеся в Европе копии Святого Гроба? Случайно ли возникла идея установить пустой саркофаг под сводами этого кивория? Вполне возможно, что и в византийском мире были распространены копии Святого Гроба, которые либо не дошли до нас, либо пока не идентифицированы как таковые. Заметим лишь, что салоникинский киворий, как и европейские копии эдикулы Гроба Господня, занимал место в западной части храма²⁴.

Что касается Руси, то следует напомнить, что в Софийском соборе Новгорода, в западной части его южного нефа еще М. К. Каргером были обнаружены остатки белокаменной сени, которые Г. М. Штен-

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 280–281.

²¹ *Стерлигова И. А.* Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // *Дмитриевский собор. К 800-летию создания.* М., 1997, с. 265.

²² См.: там же, с. 263, прим. 44, 45.

²³ Там же, с. 255–256.

²⁴ Там же, с. 263.

дер впоследствии атрибутировал как княжеский митаторий XI в.²⁵ Т. Ю. Царевская недавно предложила новую интерпретацию и датировку остатков этого сооружения. Она привела убедительные аргументы в пользу того, что это был киворий Святого Гроба, созданный в XII столетии. Более того, исследовательница считает, что в Софийском соборе он мог иметь кроме богослужебного еще и реальное погребальное предназначение. С точки зрения Т. Ю. Царевской, согласованной с данными раскопок В. В. Седова, под киворием либо в непосредственной близости от него находились погребения ктиторов Софийского собора — князя Владимира Ярославича и его матери Анны, перенесенные сюда из южной галереи (установлено, что их останки еще в древности были перезахоронены)²⁶. Если выдвинутая гипотеза верна, мы имеем в Софийском соборе наиболее древний русский вариант копии Святого Гроба.

Тем не менее нельзя не признать, что принцип расположения захоронений под киворием или вблизи него был весьма непривычным для времени, когда самой распространенной формой княжеского захоронения было погребение в аркосолии²⁷. Этим и объясняется дискуссия, возникшая в 1115 г. между «прогрессивным» Владимиром Мономахом, хотевшим разместить саркофаги с останками Бориса и Глеба под сводами эдикулы, и его братьями-традиционалистами. Владимиру Мономаху, потерпевшему фиаско в осуществлении своего проекта, не оставалось ничего другого, как направить свои усилия на декорацию вновь устроенных «печер» и украсить их таким образом, чтобы приблизить к новому пониманию копии Святого Гроба. «Володимер же окова раце сребром и златом и оукраси гроба ею тако же и комаре покова сребром и златом». Кроме этого, он «искова въ бо сребрьныя дъскы и стыя по ним издражав. И позолотив покова. Воръ (ограду) де сребремь и золотемь с хроустальными великыми разнизании оустрой. Имоушь връху пообилоу злато светильна позолочена и

²⁵ Штендер Г. М., Сивак С. И. Архитектура интерьера Новгородского Софийского собора и некоторые вопросы богослужения // Византинороссика. Т. 1. Литургия, архитектура и искусство византийского мира. СПб., 1995, с. 295.

²⁶ Царевская Т. Ю. О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии..., с. 405–408.

²⁷ Тем не менее, есть и другие примеры погребения в «тереме». В 1150 г. у святого Спаса в «тереме» было положено тело черниговского князя Игоря Ольговича. В том же храме в «тереме» был погребен митрополит Константин. (См.: ПСРЛ. Т. II. Стлб. 282; ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856, с. 70–71.) Однако некоторые исследователи склоняются к тому, что упоминающийся в летописи «терем» не что иное, как придел. См.: Седов В. В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии..., с. 450, прим. 22.

на нихъ свеще горяще оустрои в иноу»²⁸. И. А. Стерлигова считает, что позолоченные светильники, устроенные в верхней части ограды, были сделаны именно по образцу солунского кивория и, соответственно, по образцу московского серебряного ковчежца, на котором светильники в виде чаш украшают карниз «ограды» эдикулы²⁹. Так, в сверкании серебра и золота, хрустальных «разнизаний» и горящих светильников предстают перед нашим мысленным взором аркосолии, в которых были поставлены первые раки с мощами первых русских святых князей³⁰. Однако несмотря на то, что Борис и Глеб уже тогда почитались как святые и их раки были обильно украшены, все-таки в системе захоронений родового храма-усыпальницы они не были выделены как особое явление, но оставались самыми украшенными в ряду всех прочих княжеских погребений. Это обстоятельство убедительно свидетельствует в пользу того, что в домонгольской Руси XII–XIII вв. главной святыней для князей была их родовая усыпальница, внутри которой каждое захоронение, подтверждающее своим присутствием незыблемость и вечную жизнь рода, обретало свою ценность как часть целого, уходящего корнями в далекое прошлое. И смоленские, и вышгородский примеры, так же как и не упомянутые здесь, но широко известные примеры погребений в храмах владимиросудзальской земли³¹, были «украсно украшены» и в этом смысле уподоблены святыне. Для сравнения укажем на тот факт, что монашеские погребения домонгольской эпохи в Киево-Печерской Лавре, которые совершались в рукотворных пещерах, не имели никаких украшений, несмотря на то, что там были погребены весьма значимые для той эпохи личности³².

Демонстрируемое русским средневековым обществом отношение к княжескому гробу как к сакральному объекту безусловно восходило к глубокой древности. Хорошо известно, что в языческом мире было укоренено представление о том, что присутствие царя в городе магическим образом защищает город от неприятеля³³. В Древней Руси это поверье распространялось и на усопших правителей. Не случайно князья-братья Борис и Глеб с самого начала стали восприниматься как

²⁸ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971, с. 68–69.

²⁹ Стерлигова И. А. С. Византийский мощевик Димитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси, с. 263.

³⁰ Там же, с. 255.

³¹ Седов В. В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М., 2003.

³² Ермонская В. В. Памятники Древней Руси // Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI–XX в. М., 1978, с. 19.

³³ Блок М. Короли-чудотворцы. 1988, с. 125.

молитвенники за княжеский род, за принадлежащий ему город, за отечество. Псковичи, начиная с XIII в., с молитвами о защите города обращались к своему первому князю Всеволоду, погребенному в Троицком соборе. В минуты особой опасности мощи князя обносили вокруг стен города. Русским людям была близка и идея «харизмы крови», которую исповедовали древние германцы: они верили, что властность и могущество наследуются представителями особого священного рода. Именно из представителей такого рода они избирали своих вождей³⁴. Например, новгородцы в XII в. стремились приглашать на новгородский стол князей из рода Мстислава Храброго, а с каждого приглашенного князя брали клятву умереть в Новгороде и быть погребенным в Софийском соборе рядом со своим прославленным предком. В летописи приведен красноречивый рассказ о том, как новгородцы выгнали из города князя Всеволода Мстиславича, предъявив ему целый список проступков, но когда Всеволод умер, будучи уже псковским князем, они явились в Псков с требованием вернуть мощи Всеволода, которые, по их словам, были необходимы «на утверждение Великому Новгороду и на исцеление недугом»³⁵. Этот эпизод из русской истории, относящийся к 1138 г. ясно показывает, что погребенный в городском соборе правитель, в котором русские люди видели общего предка, «отца народа», часто приобретал статус молитвенника, защитника города перед Богом задолго до его официальной канонизации, а его гробница становилась местом молитвенного поклонения. Подчеркнем здесь, что этому в немалой степени способствовала принятая система декорации княжеского гроба.

В XIII в. появился еще один тип надгробия — белокаменная плита (самый ранний известный пример — плита из Рязанского музея — имеет дату 1237 г.), которая могла служить памятником и для захоронения на кладбище, и для могилы, устроенной в храме³⁶. Именно этому типу суждено было стать самым распространенным. Археологи видят причину этого явления в еще более широком и глубоком распространении христианства, проповедавшего равенство всех социальных слоев перед лицом смерти. Добавим также, что XIII в. стал временем страшного татарского разорения, и храмовое строительство в этот период практически не велось. В XIV–XV вв. шли кровопролитные феодальные войны, что также не могло способствовать развитию такого явления, как

³⁴ См. прим. 30.

³⁵ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 199.

³⁶ Ермонская В. В. Памятники Древней Руси // Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI–XX в. М., 1978, с. 21–22; Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. М., 1996, с. 41–45, 65–74.

родовая усыпальница. По экономическим причинам снизилась активность князей как заказчиков новых храмов. Все это привело к тому, что новый упрощенный тип надгробия оказался востребованным широкими социальными слоями, в том числе и княжеской средой. Такие плиты, вытесанные из белого камня и украшенные геометрическим орнаментом, семантика которого подробно исследована Л. А. Беляевым³⁷, как правило, или незначительно возвышались или находились почти на одном уровне с грунтом или с отмосткой храма. А так как храмы довольно часто перестраивались, то многие захоронения благополучно «терялись», и о них прочно забывали с тем, чтобы впоследствии заново открыть и обрести уже в новом качестве. Еще в 1931 г. замечательный русский историк Г. В. Федотов, исследуя понятие княжеской святости, отмечал, что почитание князей в Древней Руси зачастую вырастало не из живой памяти об их деяниях, а из «немой гробницы», сохранявшей иногда лишь святое имя князя, в ней погребенного³⁸. Запечатленное на гробовом камне имя позволяло «навивать» вокруг него «ноосферическую» ткань святости³⁹.

Действительно, на сегодняшний день данные археологии, сопоставленные с летописными свидетельствами, позволяют констатировать, что история русской княжеской святости — это история идентификации гробниц, обнаруженных при перестройках древних соборов либо в связи с какими-то другими особыми обстоятельствами. Наибольшее количество таких идентификаций приходится на XV–XVI вв., время интенсивного формирования пантеона русских святых. Так, например, хорошо известно, что в Софийском новгородском соборе хоронили представителей высшей знати республики — архиепископов и князей — начиная с XI в. Однако в XV в. обнаружилось, что современники не могли точно определить, кому именно принадлежит та или иная гробница. Когда архиепископ Евфимий задумал установить местное празднование погребенным в соборе князьям и святителям, ему потребовались знамения и чудеса, чтобы определить, где чья гробница. Опись соборного имущества, сделанная в XVII в., донесла до нас рассказы о таких чудесах, большинство из которых относится именно к XV–XVI вв.⁴⁰ В них говорится о том, что чудесная сила содержащихся в гробнице останков требует выволить ее из забвения и выделить из ряда безымянных надгробий. Показательна в этом смысле и история прославления ярославских князей Василия и Константина. В Ярославле

³⁷ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. М., 1996, с. 38–195.

³⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 105–106.

³⁹ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995, с. 428.

⁴⁰ См.: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988, с. 7–12.

в 1501 г. сгорела древняя Успенская церковь⁴¹. Среди обгорелых камней нашли два гроба с надписанными на них именами князей Василия и Константина. На основании местных преданий они были идентифицированы как сыновья Всеволода Константиновича. Народная память немедленно связала факт их смерти с преданием о гибели русских князей в бою с татарами на Туговой горе⁴², несмотря на то, что в летописи сообщалось о смерти князя Василия, последовавшей во Владимире, а о князе Константине вообще не было никаких сведений. От найденных княжеских гробов последовали чудесные исцеления⁴³, и по завершении строительства собора мощи князей Василия и Константина были положены на правой стороне храма между столпов для поклонения, а список почитаемых ярославских святых пополнился двумя новыми именами.

Нередко «обретение» останков князей, погребенных в том или ином храме, носило целенаправленный характер, обусловленный определенными историческими событиями. Так, создание или, скорее всего, восстановление культа муромского князя Константина и его двух сыновей непосредственно связано с той особой ролью, которую Мурому выпало играть при подготовке Иваном Грозным казанской военной кампании. Иван Грозный посетил Муром, чтобы просить помощи у муромских святых. Одна из редакций Жития Константина рассказывает о том, что царь «у чудотворцев [князей Константина и его сыновей, Михаила и Федора. — Т. С.] учал прощатися со слезами»⁴⁴. О том, что в соборе была рака с мощами князей, ничего не сказано. Очевидно, согласно древней традиции, царь молился в храме у места погребения муромских князей, а чтобы у него не оставалось сомнений в том, что именно там были погребены его сродники, клир церкви продемонстрировал Ивану Грозному «дцку каменную велику самородную», на которой были высечены имена князя и его сыновей. Этот факт приведен в одном из сборников XVII в.⁴⁵ Одержав победу над Казанью, царь по обету построил в Муроме Благовещенскую церковь с приделом, посвященным муромскому князю⁴⁶. Тогда-то, при подготовке фундамента, и «обрели» мощи святых князей, а прибывший в Муром епископ Гурий переложил их в раку и поставил ее «в стене каменной, в пещере», то есть в аркосолии⁴⁷. Так, мы видим, в данном случае своеобразный

⁴¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, с. 175–176.

⁴² Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, с. 175–176.

⁴³ Прохоров Г. М. Пахомий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 177.

⁴⁴ Сокращенная редакция Жития благоверного князя Константина Муромского // Се-ребрянский Н. Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 100–107.

⁴⁵ Сборник XVII в. РГБ. Собр. Долгова. № 53. Л. 355–356 об.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 7, с. 130, 141; ПСРЛ. Т. 6, с. 305.

⁴⁷ Там же.

акт возврата к домонгольской форме погребения, которая теперь, однако предназначалась для останков прославленного святого.

В XVI столетии наблюдается процесс постепенного возвышения надгробной плиты над уровнем пола и превращения ее в надгробие⁴⁸. Это ясно видно на одной из миниатюр Лицевого летописного свода, где изображен интерьер Архангельского собора, заполненный возвышающимися над полом надгробиями, имеющими двускатное, плоское или коробовое покрытие⁴⁹. В некоторых случаях наблюдается своеобразный возврат к византийской идее полого саркофага, стоящего над могилой. Археологические исследования в усыпальнице Ивана Грозного показали, что первый русский царь и два его сына были погребены в белокаменных саркофагах антропоморфной формы, крышка которых находилась почти в одном уровне с полом, тогда как над ней была возведена так называемая надгробница, выложенная в один кирпич и имеющая вид полого саркофага⁵⁰. Поздние источники указывают на то, что иногда над местом захоронения возводились деревянные «надгробницы». Так, Описание Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологде 1623 г. свидетельствует, что над захоронением князя-инока Игнатия Угличского, умершего в 1525 г. была устроена деревянная надгробница⁵¹. «Гроб древян» над захоронением Владимира Ярославича упоминает Описание Новгородского собора 1617 г., а в Новгородской Первой летописи сказано, что архиепископ Евфимий «позлати гроб князя Володимера, внука великого Володимера, и подписа...»⁵². Не исключено, что речь здесь также идет о деревянном надгробном саркофаге. Это позволяет предположить, что деревянные надгробницы устраивались и ранее XVII в., однако в результате многочисленных пожаров и перестроек в храмах они исчезали, возобновлялись и снова исчезали и потому не дошли до нас. Мы не знаем точно, как выглядели деревянные надгробницы, но знаем, что их расписывали и золотили, подобно ракам святых. Вполне возможно, что на новом историческом витке именно деревянные резные или окованные серебром раки повлияли на возрождение надгробия в виде полого саркофага. Эти два типа надгробия — возвышающаяся над полом плита и полый «саркофаг» — сохранились и в XVII столетии. Относительно царского храма-усыпальницы — Архангельского собо-

⁴⁸ *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. М., 1996, с. 146.

⁴⁹ Лицевой летописный свод. XVI в. Шумиловский том. СПб. РНБ. Л. 679 об.; Остермановский том. СПб., БРАН. Л. 302.

⁵⁰ *Панова Т. Д.* Средневековый погребальный ритуал по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Советская археология. М., 1987. № 4.

⁵¹ *Савваитов П.* Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1844, с. 34–35.

⁵² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 35.

ра — известно, что в царствование Михаила Федоровича была предпринята попытка унифицировать все находящиеся в этом храме надгробия, придать им единообразный вид. Их облицовывали белокаменными резными плитами и расписывали⁵³.

Вне зависимости от эпохи княжеский гроб внутри храма, благодаря украшенности, образовывал вокруг себя «концентрированное» пространство святости. Самым древним и, пожалуй, самым главным элементом его декорации была, как мы видели уже на примере смоленских памятников, драгоценная ткань, покров. Летописи предоставляют нам материал, говорящий о том, что первоначально в XII–XIII вв. роль покровов выполняли порты. Так в древней Руси называли одежду, ткань. «Порты блаженных первых князей еже бяху повешены в церквах на память собе» упоминаются, например, в летописном рассказе о разграблении в 1203 г. Рюриком Ростиславичем Десятинной церкви и Софийского собора⁵⁴. Княжеские «порты», повешенные при гробе, в глазах современников приобретали статус княжеской реликвии, поскольку были личной вещью, тесно связанной с памятью о погребенном. Летописец даже называет князей, похороненных в Десятинной церкви и Софийском соборе, «блаженными», прилагая к ним термин, которым, как правило, обозначали местно почитаемых святых. Интересно, что княжеский обычай вкладывать в храм на помин души свои парадные одежды оказался очень устойчивым и, несколько видоизменившись, продолжал существовать и в эпоху позднего средневековья. Так, протоиерей Н. Д. Извеков, автор книги об Архангельском соборе Кремля, упоминает о том, что после совершения погребения семья покойного князя оставляла в дар причту храма-усыпальницы богатую княжескую шубу, покрывавшую гроб. Правда, в этот период шуба уже не использовалась для украшения гробницы, а служила своеобразной наградой причту⁵⁵. Сейчас трудно сказать, когда именно произошла замена княжеских одежд традиционной формой надгробного покровца, так как история покровца пока остается неисследованной. Тем не менее, можно с уверенностью говорить о существовании таких покровцов в XV–XVI вв. В связи с покровцом нельзя не вспомнить знаменитое письмо Ивана Грозного к кирилловским монахам, где он «критикует» их за то, что

⁵³ *Снегирев И. М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 2. М., 1873, с. 21.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 418.

⁵⁵ Царь Алексей Михайлович заменил обычай оставлять причту богатую шубу денежной наградой. См.: *Извеков Н. Д.* Московский придворный Архангельский собор. Сергиев Посад, 1916, с. 152. Об этом же сообщает А. Лебедев, ссылаясь на сведения, почерпнутые им из жалованных грамот великих князей и царей. См.: *Лебедев А.* Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880, с. 32.

сосланным в монастырь боярам по смерти оказывались слишком большие почести. Первый русский царь Иван Грозный подчеркивал, что привилегия иметь покров на гроб должна принадлежать только представителям царской власти и официально канонизированным святым. Он писал: «...лишь царской власти достоин величаться церковью, гробницею и покровом»⁵⁶. Однако сам предмет речи самодержца свидетельствует о том, что украшение надгробия покровом было довольно широко распространено в аристократических кругах. Описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. не только упоминают, но и подробно описывают надгробные покровы прямоугольной формы на гробах князей Волоцких, нашедших упокоение под сводами монастырского собора в самом начале XVI столетия. Их самой примечательной чертой является шитое в среднике изображение креста, а также летопись, идущая по кайме⁵⁷. В уже упоминавшейся нами Описи Софийского новгородского собора рассказывается о чуде, произошедшем в соборе в 1551 г. «Некий царедворец... видя гроб неведомого архиерея в небрежении, положи намерение о нем попещися... и абие услыша неведомый глас, рекший: „Подобает покровену быти гробу“»⁵⁸. Этот эпизод истории собора не только подтверждает принятый обычай покрывать гробницу надгробным покровом, но и говорит о том, что покров был самым главным, самым необходимым элементом декорации гроба, способным выделить его из ряда безымянных гробниц. Драгоценная ткань образовывала род сени над гробницей, наделяя и сам гроб, и покоящиеся в нем останки качеством святыни, реликвии. Вышитый на покрове голгофский крест выражал христианскую идею жизни за гробом. Именно такую интерпретацию функции покрова подтверждает надпись на покрове царевича Алексея Алексеевича: «Божию милостию великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... повеле сии покров украсити и положи на гробницу идеже погребено тело сына ево... во украшение и в надежду будущего упования...»⁵⁹. Хорошо известны надгробные покровы из Архангельского собора. Все они относятся к XVII в., но можно предполагать, что принцип их декорации всходит к значительно более ранним временам. Просто со временем заменяли ветшавшую

⁵⁶ Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. С. 153.

⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 365, 1572 г. Л. 15 об.; ИРЛИ. Древнехранилище. Р. IV. Оп. 26. Д. 20. 1591 г. Л. 29 об. Приношу благодарность за эти сведения В. А. Меньяло.

⁵⁸ Описание Новгородского Софийского кафедрального собора // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1916, с. 75–76.

⁵⁹ Вишневецкая И. И., Смирнова Н. А. Предметы из тканей в ризнице Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002, с. 383.

тканевую основу, перешивая на нее древние серебряные дробницы, из которых составлялся крест, и жемчужную обнизь⁶⁰.

Изображение голгофского креста на покрове говорит о том, что принцип его декорации следовал византийской традиции. В Византии гроб императора никогда не украшали изображением погребенного в нем, как это делали на Западе (имеются в виду так называемые «gisants»), но только крестом или орнаментальными мотивами. Так, на гробницу Исаака Комнина была возложена мраморная плита, украшенная серебряным энколпионом⁶¹. В Древней Руси для изготовления покрыва на гроб князя или царя выбирались самые дорогие и нарядные ткани, причем из описания царских гробниц в Архангельском соборе, сделанного в XVII в. Павлом Алеппским, известно, что для украшения надгробий существовало два комплекта — каждодневный и парадный⁶². В том случае, когда погребенный князь являл через чудеса свою святость и вставал вопрос о его церковной канонизации, на гробницу заказывался лицевой покров с изображением погребенного. Так, в 1501 г. невестка последнего ярославского князя Мария завершила работу над лицевым покровом на гроб ярославских князей Федора, Давида и Константина, задуманным в 1463 г., после того, как были прославлены их чудотворные мощи⁶³. Раку царевича Дмитрия в Архангельском соборе первоначально, как полагают исследователи, покрывал покров с Голгофским крестом, аналогичный тем, что лежали и на других княжеских гробницах в соборе. Однако уже в 1626 г. на нее как на гробницу прославленного святого был возложен лицевой покров, который знаменит иконописец Иван Владимиров⁶⁴, а уже в 1730 г. один покров находился непосредственно на мощах царевича, а поверх раки лежало пять лицевых покровов и один ветхий с голгофским крестом⁶⁵. Таким образом, многочисленные покровы на раку, созданные и вложенные в собор за этот период, стали в прямом смысле «тканью святости»: количество покровов самым непосредственным образом отражало степень почитания последнего Рюриковича.

⁶⁰ Вишневецкая И. И., Смирнова Н. А. Предметы из тканей в ризнице Архангельского собора. С. 383–387.

⁶¹ Ševčenko N. The Tomb of Isaak Komnenos at Pherrai // The Greek Orthodox Theological Review. 1984. Vol. 29, № 2, p. 135–140.

⁶² Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном. М., 1898. Вып. 3, кн. 8, с. 106.

⁶³ Якунина Л. И. Памятники портретного шитья конца XV в. // Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963.

⁶⁴ Маясова Н. А. Произведения лицевого шитья из Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002, с. 347.

⁶⁵ Там же.

Покров был главным, но не единственным предметом, формирующим пространство княжеского гроба. Гробницы, размещенные вдоль стен храма, включались в смысловое поле, образуемое теми композициями росписи храма, которые находились в непосредственной близости. Как правило, если расписывался храм, в котором уже находилась гробница либо заранее было определено ее место, то над ней старались разместить, во-первых, портрет ктитора, а во-вторых, сюжеты, связанные с темой молитвы о его судьбе за гробом («Деисус») или являющиеся выражением надежды на воскресение («Распятие», «Жены-мироносицы у гроба Господня», «Воскресение» и др.). Жизнь и развитие этой древней византийской традиции в средневековых храмах Сербии и Греции прекрасно показаны в трудах Д. Попович, Т. Папамасторакиса, С. Чурчича, М. Эмануэль⁶⁶.

Немногочисленные дошедшие до нас древнерусские памятники XII–XIII в. свидетельствуют, что Русь в общих чертах следовала византийской традиции. Так, над самой древней княжеской гробницей в Мартирьевской паперти Софийского собора был написан «Деисус», фреска, которая датируется, как и сама гробница, началом XIII в.⁶⁷ К этому же времени, по-видимому, относятся и так называемые «княжеские головы» — фрагменты фресок с изображением персонажей в светских одеждах, найденные в ходе раскопок в Мартирьевской паперти. Не исключено, что они представляют собой фрагменты надгробных княжеских «портретов». Хорошо известен ктиторийский портрет князя Владимира Ярославича в церкви Спаса на Нередице (1199 г.) и изображение византийской принцессы, матери князя Всеволода, в церкви Бориса и Глеба в Кидекше (80-е гг. XII в.)⁶⁸. Фрагменты росписи некоторых аркосолиев смоленских храмов XII–XIII вв. также идентифицируются как «деисусы», композиции патронального характера либо изображения ктиторов⁶⁹.

⁶⁶ Поповић Д. Српски владарски гроб... с. 184; Emmanuel M. Funerary Iconographic Programmes in the Chapels of Mystras // Древнерусское искусство. СПб., 2002; Ćurčić S. Medieval Royal Tomb in the Balkans. An Aspect of the “East or West” Question // Greek Orthodox Review. 1984. Vol. 29; Papamastorakis T. Funerary Representations in the Middle and Late Byzantine periods. Athens, 1997.

⁶⁷ Янин В. Л. Некрополь Софийского собора. М., 1988, с. 26.; Штендер Г. М. «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980; Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование (работы 1945–1948 гг.) // Практика реставрационных работ. М., 1950. Сб. 1, с. 153.

⁶⁸ Пивоварова Н. В. Ктиторийская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. 23; Сычев Н. П. Предполагаемое изображение жены великого князя Юрия Долгорукого // Сообщения Института истории искусства АН СССР. Вып. 1. М., 1951.

⁶⁹ Воронин Н. Н. Смоленская живопись XII–XIII веков. М., 1977, с. 54, 74.

В непосредственной близости гробницы помещались иконы, которые развивали и артикулировали пространство царского гроба. Н. Шевченко опубликовала дошедшее до нас описание гробницы Исаака Комнина, устроенной его волею в нартексе церкви монастыря Богоматери Космосотирии, где говорится, что гробница была отделена от остального пространства нартекса бронзовой оградой, а в непосредственной близости от гроба располагались иконы. Это были иконы Христа и Богоматери Космосотирии, а также портреты почивших родителей императора и его собственное изображение иконного характера⁷⁰. Драгоценные дошедшие до нас сведения об оформлении царской гробницы, позволяют поставить вопрос о генезисе так называемых древнерусских надгробных иконостасов, которые известны по описаниям Архангельского собора и соборного некрополя Новодевичьего монастыря. Надгробные иконостасы Архангельского собора были подробно описаны в XIX в. протоиереем А. Лебедевым (при написании книги, посвященной этому храму, он пользовался не дошедшей до нас соборной описью XVII в.)⁷¹. В XVII столетии надгробные иконостасы, воздвигнутые у гробниц первых царей из рода Романовых, включали в себя иконный портрет погребенного, патрональную икону, то есть образ соименного ему святого, мерную или родимую икону и так называемые гробовые иконы Богоматери и Иисуса Христа⁷². Все они располагались над каменной украшенной гробницей, покрытой драгоценным покровом.

Недостаток материала не позволяет последовательно проследить эволюцию такого явления, как надгробный иконостас, однако пунктирную линию наметить можно. Самое раннее известное нам упоминание надгробной иконы содержится в летописи под 1243 г., где сообщается, что в Пскове в Иоанновском монастыре над гробом жены князя Ярослава Владимировича находилась икона святого Спаса, которая начала мироточить⁷³. Возможно, над гробом митрополита Петра в Успенском соборе находился знаменитый «Спас Оплечный» XIV в., на что косвенным образом указывает Опись имущества Успенского собора, составленная в XVII столетии⁷⁴. По-видимому, это были иконы, подобные образам Спасителя и Богоматери Космосотирии на гробнице Исаака Комнина, которые в русской традиции получили название гробовых.

⁷⁰ Ševčenko N. The Tomb of Isaak Komnenos at Pherrai // *The Greek Orthodox Theological Review*. 1984. Vol. 29. № 2, p. 135–140.

⁷¹ Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880, с. 176–193.

⁷² Сорокатый В. М. Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора Московского Кремля // *Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции*. М., 1977.

⁷³ ПСРЛ. VII. М., 2001. Стб. 1244.

⁷⁴ Попова О. С. Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV в. Его связи с Византией. М., 1980, с. 240, прим. 200.

Из описания русского погребального ритуала XVI–XVII вв. мы знаем, что немаловажное место в нем отводилось так называемым гробовым иконам, в качестве которых выступали иконы Спасителя и Богоматери. Они принимали участие в похоронной процессии — их нес впереди гроба специально назначенный протопоп. Они находились на аналое во время чина последнего целования: — икону целовали, перед тем как попрощаться с умершим⁷⁵, после чего она оставалась в храме при гробе, занимая свое место в надгробном иконостасе. В русской традиции в похоронной процессии участвовали иконы, которые брались из покоев умершего. Как правило, это были образы, особенно почитавшиеся умершим при жизни. Так, гробовой иконой Ивана Грозного, по-видимому, была Богоматерь Иосафовская, которую ему предположительно подарил митрополит Иосаф при крещении⁷⁶. Документально известно, что эта икона, имеющая невероятно роскошный оклад, находилась в усыпальнице Ивана Грозного, устроенной в диаконнике Архангельского собора, и лишь позднее, как особая святыня, была установлена на специальном аналое слева от царских врат⁷⁷. Гробовые иконы царей Романовых, находившиеся в надгробных иконостасах над их захоронениями в Архангельском соборе, представляют собой образы Христа или Богоматери. Они невелики по размерам, но также имеют богатые оклады.

Первое по времени упоминание о надгробных патрональных иконах и иконных портретах относится к XVI в. Согласно Описи имущества Иосифо-Волоколамского монастыря 1572 г., в юго-западном углу монастырского собора находились гробницы двух волоцких князей, братьев Ивана Борисовича и Федора Борисовича, а над их гробницами стояли две иконы. «На одной писан Иван Богослов, в облаче образ Спасов, да на той же иконе написано лицо подобие князя Ивана Борисовича. А на другой иконе написан Федор Стратилат, во облаче образ Спасов, да на той же иконе написано лицо подобие князя Федора Борисовича».⁷⁸ Методом сравнительного анализа Описей Иосифо-Волоколамского монастыря, относящихся к XVI и XVII столетиям, В. А. Меняйло удалось установить, что иконы эти были небольшими

⁷⁵ О преставлении и погребении царицы Агафии Сменовны. О преставлении и погребении царевича Ильи Федоровича. О преставлении и погребении царевны Татьяны Михайловны. О преставлении и погребении царя Федора Алексеевича // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 11. М., 1789, с. 207–216.

⁷⁶ Щенникова Л. А. О двух чтимых богородичных иконах Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002, с. 287.

⁷⁷ Максимович М. А. Опись домашнего имущества царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов. М., 1850, с. 1.

⁷⁸ ЦГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 365, 1572 г. Л. 15 об.

по размеру двусторонними пядницами или локотницами. На лицевой стороне был изображен святой соименник князя в молении Спасу, а на оборотной — подобие князя. Иконы выполнены по смерти князей и датируются соответственно 1503 и 1513 гг.⁷⁹ Опись сообщает также, что к иконам были сделаны запоны из желтой тафты. Написание икон вскоре после смерти волоцких князей позволяет предположить, что их изображения носили портретный характер. Возможно, портреты погребенных создавались и в более раннее время. Так, на иконе конца XVI в. «Александр Невский в житии» на одном из клейм изображена гробница Александра Ярославича, а над нею — погрудный образ святого князя, облаченного в схиму.

Идея сосуществования на одной иконной доске портретного образа погребенного и образа его святого покровителя, прозвучавшая в волоцких надгробных иконах, получила дальнейшее развитие в середине 60-х гг. XVI в. Именно к этому времени относится создание для Архангельского собора надгробной иконы великого князя Василия III, которая, как установила Т. Б. Власова, первоначально находилась в нижнем ярусе иконостаса непосредственно над гробницей великого князя⁸⁰. На этой иконе, в отличие от волоцких образов, изображения князя и его святого покровителя не разнесены по разные стороны иконной доски, но представлены в молитвенном предстоянии по сторонам от изображения Богоматери Знамение в верхнем сегменте. Интересно отметить, что именно XVI век дал всплеск развития иконографии, согласно которой на иконе изображался русский святой из числа недавно канонизированных в молении Спасу или Богоматери Знамение в паре со святым, с которым его связывали узы духовного родства. Так, в 1544 г. в Великом Устюге была написана икона юродивого Прокопия Устюжского с преподобным Варлаамом Хутыньским. Эта икона находилась при гробе Прокопия Устюжского в церкви Бориса и Глеба⁸¹. Из села Ошевенское происходит икона XVI в., изображающая Александра Ошевенского вместе с Кириллом Белозерским (Архангельский музей изобразительных искусств). На одной из икон XVI в. из ГТГ Кирилл Белозерский изображен в паре с Кириллом Александрийским. Как мы видим, в ряде случаев подобные иконы создавались для гробниц уже прославленных святых, и именно они, по-видимому, послужили источником идеи над-

⁷⁹ *Меняйло В. А.* Иконы инока Паисия в Иосифо-Волоколамском монастыре // Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Материалы научных конференций. 1989–1990 гг. Вып. 1. М., 1991, с. 16–19.

⁸⁰ *Власова Т. Б.* История формирования иконостасов Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002, с. 243.

⁸¹ *Сорокатый В. М.* Образ Прокопия Устюжского в иконе // Житие святого праведного Прокопия Христа ради Устюжского чудотворца. М., 2003, с. 129.

гробной иконы Василия III, которого Иван Грозный страстно хотел причислить к лику святых⁸². Именно эта икона стала первым надгробным образом Архангельского собора. В 1564–1565 гг. она в свою очередь вдохновила на создание надгробных портретов князей московского дома, ставших частью созданного в эти годы фрескового ансамбля. Разница состояла лишь в том, что на фресках святой покровитель князя был изображен в медальоне, так как очевидно, что в масштабах композиции стены невозможно было осуществить идею «парного портрета» в молении Спасу. Впоследствии, однако, данная идея была реализована в надгробных портретах первых Романовых, которым не осталось другой возможности, кроме как продолжить династическую портретную галерею в иконных образах: в молении Спасу вместе со своими святыми покровителями-соименниками изображены царевичи Иван Михайлович и Василий Михайлович.

Кроме патрональных, гробовых икон определенное место в надгробном иконостасе отводилось мерным иконам, писавшимся в меру роста новорожденного младенца. Нам неизвестно, когда именно мерные иконы, составлявшие «личную святость» умершего, попадали в надгробный иконостас. Однако саму идею их присутствия в надгробных иконостасах помогают понять миниатюры иллюстрированных Синодиков, которые в русской традиции являются аналогом западноевропейской книге *Ars moriendi*⁸³. На одной из миниатюр Синодика XVII в. изображено, как мамка качает в люльке спеленутого младенца. В нижней части той же миниатюры — гроб, в котором в погребальных пеленах лежит умерший. Миниатюра снабжена следующей подписью: «Приидите, последнее целование дадим брату умершему, Бога похваляюще, се бо отшел... от рождения своего... от суеты страстных плоти во гроб идет» (Мин. 13)⁸⁴. Текст и изображение раскрывают идею пространства жизненного пути, заключенного между иконой в меру роста новорожденного и его гробницей, между его отправной и конечной вехой: при рождении измеряли пришедшего в мир человека, чтобы в меру роста написать икону его святого покровителя, по смерти с него снимали мерку для изготовления гроба.

⁸² Самойлова Т. Е. «Новооткрытый» портрет Василия III и идеи святости государя и государева рода // Искусствознание. 1. М., 1999, с. 51–53.

⁸³ Возникновение Синодика как книги определенного типа относится к XV в. Окончательно он оформился в XVII столетии, превратившись в иллюстрированный миниатюрами сборник, заключавший в себе поминания и рассказы, объединенные темой необходимости поминовения усопших. См.: Петухов Е. В. Очерки литературной истории Синодика. СПб., 1895, с. 122, 147, 153.

⁸⁴ Гольцман И. Г. Альбом рисунков рукописных Синодиков 1651, 1679, 1688. Мстера, 1885.

Покрытый покровом, княжеский гроб с установленным над ним иконостасом нередко выделялся из общего пространства храма решетками-оградами. Бронзовая решетка, окружавшая гроб, упомянута и в описании гробницы Исаака Комнина в монастыре Богоматери Космосотирии⁸⁵. Бронзовые решетки окружали и гробницы Романовых в Архангельском соборе⁸⁶. Решетка-ограда выделяла гробницу из общего пространства храма, создавая вокруг нее пространство частной надгробной молитвы. Такое решение было оправдано и с литургической точки зрения. Известно, что в Архангельском соборе Кремля существовало особое «расписание» поминовения всех погребенных в нем князей по дням памяти: каждому князю «праздновали» в день его рождения и в день его кончины⁸⁷. В эти дни на гробницах поставлялись особого рода сосуды для поминальной кутьи и меда. У отеческих гробов князья испрашивали молитвенной помощи в военных походах, приводились к клятве верности старшему брату, а впоследствии «знаменовались» у гробов родителей после коронации⁸⁸.

Важным элементом в создании сакрального пространства княжеского гроба был живой свет неугасимой свечи. Стоящий при гробе подсвечник прежде всего был знаком чести, воздаваемой погребенному. Так, в Типике Константинопольского монастыря Пантократора составивший его император Иоанн Комнин оставил распоряжение, чтобы в храме, где находились гробницы, горело три негасимых свечи: одна в алтаре, две других на его собственной гробнице и гробнице его супруги⁸⁹. В русских княжеских житиях прослеживается мотив самовозгорающейся на могиле князя свечи. Такая свеча интерпретируется как главный признак явленной миру его святости. Этот образ присутствует уже в Сказании о Борисе и Глебе, а затем повторяется в летописных рассказах, посвященных Дмитрию Донскому, Евдокии Донской, Михаилу Тверскому⁹⁰. Горящая у гроба неугасимая свеча воспринималась и как свидетельство праведности князя, и как символ живой, бессмерт-

⁸⁵ Ševčenko N. The Tomb of Isaak Komnenos at Pherrai // *The Greek Orthodox Theological Review*. 1984. Vol. 29. №2, p. 135–140.

⁸⁶ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 3. М., 1898, с. 106, 107.

⁸⁷ Там же; Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. Сергиев Посад. 1916, с. 152.

⁸⁸ Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор, с. 154; Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор, с. 32.

⁸⁹ Бутырский М. Н. Византийское богослужение у иконы согласно типу монастыря Пантократора 1136 // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996, с. 151.

⁹⁰ Моршакова Е. А., Самойлова Т. Е. Реликвии русских святых // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000, с. 191.

ной души погребенного и его связи с миром живых. Составляя свои духовные грамоты — завещания, русские князья выражали желание, чтобы свеча на их гробе не угасала⁹¹: она была для них знаменем вечной, непреходящей памяти перед лицом Бога, той самой, которая воспевается умершим в поминальных молитвах, и в то же время — знаменем непрерывности заветов, передаваемых от отца к сыну.

Итак, гроб, покров, иконы, свеча, ограда — вот составляющие сакрального пространства гроба. Однако все перечисленное можно увидеть не только при княжеской гробнице, но и при гробнице, например, архиерея. Что же характерно исключительно для княжеской гробницы? Во-первых, в ранний период при гробе князя наряду с иконами устанавливалось и принадлежавшее ему оружие, атрибут воинской славы, добытой князем в сражениях. Так, сохранилось летописное свидетельство, что при гробе Всеволода Псковского в Троицком соборе находились щит и меч князя. Меч Всеволода посчастливилось видеть еще самому Ивану Грозному, посетившему Псков⁹². Очевидно, княжеское оружие находилось и при гробах московских князей в Архангельском соборе. Однако с течением времени оружие было заменено установленными рядом с гробницами хоругвями. В дальнейшем эта традиция, дожившая вплоть до XX в., нашла свою опору в обществе хоругвеносцев, состоящих при храме⁹³. Второй отличительной чертой пространства княжеского гроба является идея прочной, живой связи предков со своими потомками, которая проводится прежде всего при помощи создания галереи надгробных «портретов» погребенных и их предков. Вспомним, что именно портреты родителей заказывает для оформления своей гробницы византийский император Исаак Комнин. Над гробницами сербских королей также помещаются изображения всех предков, предшественников на престоле, так что они образуют вереницу, возглавляемую родоначальниками королевской династии — святыми покровителями рода — Симеоном и Саввой⁹⁴. Такие династические портреты, кроме того, что они были данью памяти рода, служили также наглядным свидетельством легитимности власти нового правителя. В русской традиции идея династического портрета получила развитие и оригинальную интерпретацию в надгробных княжеских портретах Архангельского собора. В росписи этого княжеского храма согласно с волей заказчика — Ивана Грозного — были изображены все его предки, начиная с Ивана Калиты, погребенные в соборе, а также большое коли-

⁹¹ Собрание Государственных Грамот и Договоров в Государственной Коллегии Иностранных дел. Ч. 1. М., 1813, с. 37.

⁹² ПСРЛ. Т. 4, с. 344.

⁹³ Извеков Н. Д. Московский придворный Архангельский собор. С. 66, 67.

⁹⁴ Поповић Д. Српский владарский гроб... с. 172–175.

чество святых русских князей. Так первый русский царь заставил «звенеть славу предков», которая, как показал Ю. М. Лотман, является чрезвычайно важной категорией исторического сознания русского средневековья. Иван Грозный рассматривал свои деяния как продолжение подвигов, совершенных его сродниками в древности. Он лишь обновлял их, как сказано в «Слове о полку Игореве» — «звонячи в прадедню славу»⁹⁵. Именно для этого обновления или, как бы мы сейчас сказали, актуализации памяти необходимо было, чтобы все его сродники, прославившиеся в ратных сражениях, в государственном делании, в аскезе и молитве, были изображены в грандиозной династической портретной галерее, созданной в княжеской усыпальнице.

Tatiana Samoilova
State Museums of the Moscow Kremlin

THE SACRED SPACE OF THE PRINCELY TOMB IN MEDIEVAL RUSSIA

According to archeological excavations in ancient Russian churches, many of them were used as princes burial places. But the idea of a prince's tomb belongs not only to the field of archeology. Every prince's tomb in a church was marked with a gravestone, the form and decoration of which have to do with art history.

The process of christianization of the Byzantine society led the emperors to reject ancient models of gravestones. They paid their attention to the main sacred object of Christian world — the Holy Sepulchre. The emptiness of the sarcophagus in the Holy Sepulchre was symbolic for every Christian. It testified for the fact of the Resurrection and at the same time prefigured resurrection for every person. In the Byzantine and Russian tradition empty sarcophagus were placed over graves in *arcosolia*, which were interpreted as an image of the cave of the Sepulchre.

In ancient Russia a prince was buried in the main cathedral of his principality. Very often his tomb became a place of his veneration long before his official canonization: he was considered as a forefather of his people. The decoration of prince's tomb provoked in a high degree prince's veneration. A richly decorated tomb formed around itself a concentrated sacred space. The most ancient and the main element of this decoration was a cloth or a cover. Initially, in 12th–13th centuries princes' dresses were used as a

---

⁹⁵ Лотман Ю. М. «Звонячи в прадеднюю славу» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 3. Таллин, 1993.

cover. Such cover was like a relic, because it was closely connected to the memory of the deceased.

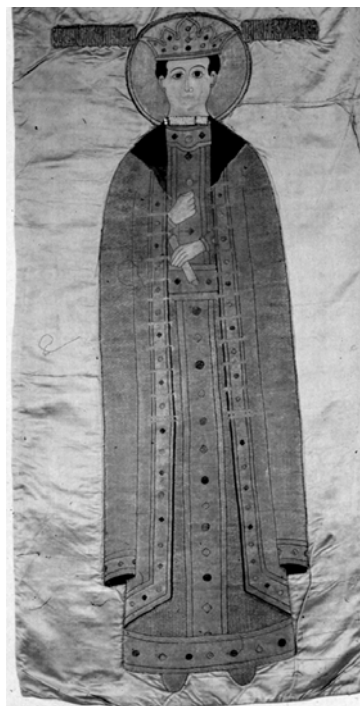
The tombs placed along walls of a temple were inclusive in the space of meaning, which was created by frescoes above the tombs. Here Russia followed Byzantium. Near the tomb icons were also placed. They articulated a sacred space around the tomb. The tradition of placing an iconostasis above the tomb emerged in Russia. The light of a candle was one more important element. It was a symbol of the immortal soul of the prince. The distinctive feature of a sacred space around a prince's tomb was the idea of lasting links with descendants, which was embodied through the creation of a gallery of portraits of the person buried there and his ancestors placed above the tombs. Such dynastic portraits were a tribute to the memory of a kinsman; they confirmed the legitimate power of the new ruler. In Russian tradition the idea of dynastic portraits received an original interpretation in princely portraits of the Archangel Cathedral in the Moscow Kremlin.

1. «Деисус» над княжеской гробницей в Мартирьевской паперти новгородского Софийского собора. Фреска. Начало XIII в.

2. Рака царевича Дмитрия Угличского в Архангельском соборе Московского Кремля под белокаменной сенью XVII в.

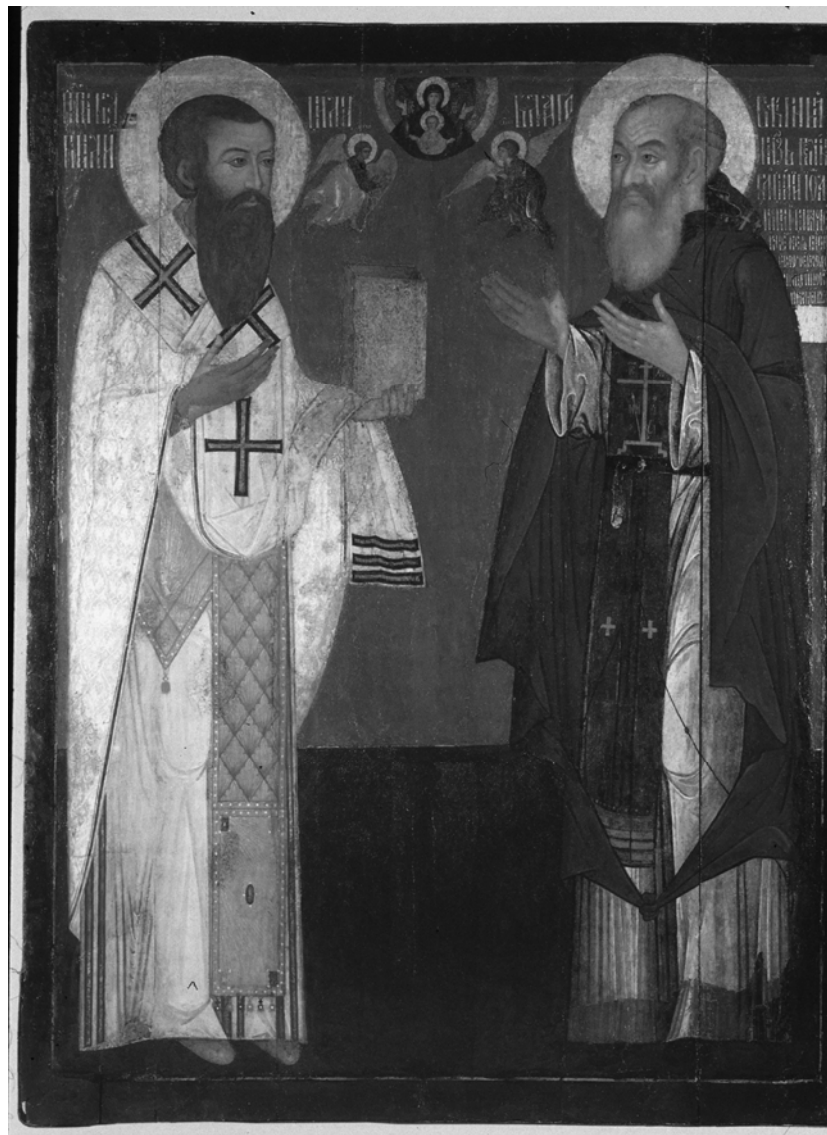

3. Покров на гроб царевича Ивана Михайловича из Архангельского собора. 1639 г.

4. Покров на раку царевича Дмитрия Угличского. Середина VII в.

5. Рака князя Федора Ярославича в новгородском Софийском соборе. XX в.

6. Икона «Святой Василий Великий и великий князь Василий III во иноцех Варлаам». 1560-е годы. Москва

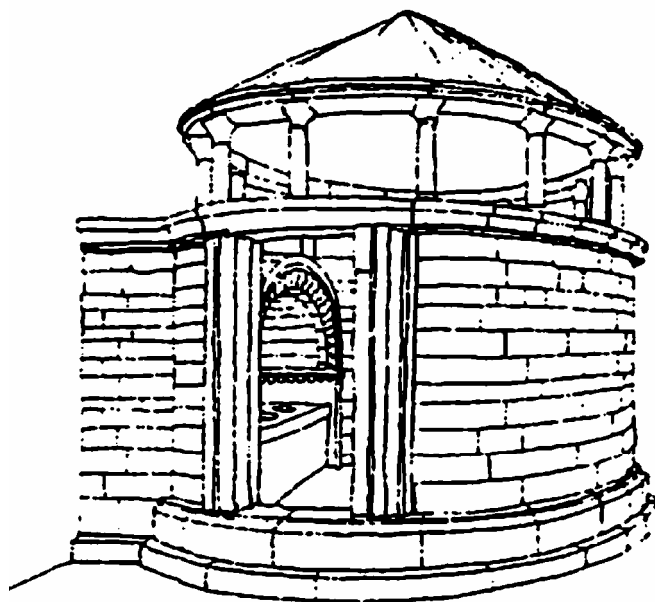
7. Архангельский собор Московского Кремля. Вид на княжеские надгробия XIV–XVI вв.

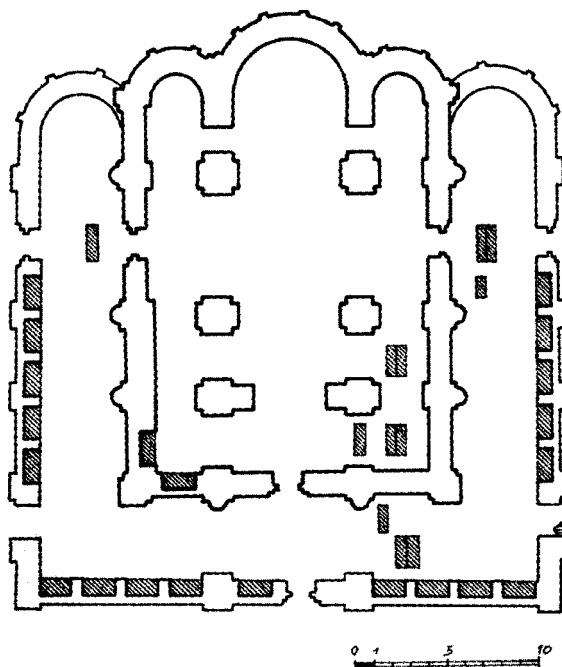
8. Аркосолий с белокаменным саркофагом в соборе Бориса и Глеба в Кидекше. Фото В. М. Рудченко

9. Икона «Великомученик Иоанн Белоградский и царевич Иван Михайлович». Первая половина XVII в.

10. Святой Гроб в соборе Аквилеи. XI в. Реконструкция

11. Собор Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске. План с погребениями

12. Интерьер Архангельского собора Московского Кремля. Вид на надгробный иконостас у юго-восточного столпа. Фото 1924 г.